

СПЕКТАКЛЬ

О СУДЬБАХ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

К 100-летию Октябрьской революции в мастерской Лавровой РГПУ им. А.И. Герцена студенты Института музыки, театра и хореографии представили спектакль «Революция».

В мастерской Лавровой состоялась премьера постановки «Революция» по рассказам Аркадия Гайдара «Школа» и Надежды Лукмановой «Институтки. Тайны жизни воспитанниц», приуроченная к 100-летию Октябрьской революции.

Режиссер спектакля – заслуженная артистка России, лауреат Государственной премии, педагог Герценовского университета и художественный руководитель мастерской Мария Лаврова. Перед спектаклем Мария Кирилловна выступила с приветственной речью, рассказав зрителям о произведениях, ставших

основой постановки, и о зарождении ее идеи. «Мы объединили автобиографические рассказы двух величайших авторов. Ничего лишнего от себя мы не взяли. Здесь не существует вымысла, весь спектакль пропитан духом революции и историями людей», – подчеркнула Мария Кирилловна.

Два произведения совершенно разных авторов оказались гармонично соединены на сцене, представив жизнь страны в эпоху кардинальных перемен и разрухи, когда судьбы простых людей вышли на первый план.

Важным элементом декораций стал поезд, где каждый герой начинал свою историю. Через диалоги, движения и танец раскрывались характер и судьба персонажей. Среди них, например, Борис Гориков («Школа»), поведавший о таких, как

он, мальчишках-подростках, боровшихся за Советскую власть и свою жизнь при этой власти, веривших в светлое будущее.

Спектакль затронул и институтскую жизнь девушек, которые получили образование в учебных заведениях в дореволюционной России. Все героини – абсолютно разные, каждая со своим характером, представлениями о правильном и неправильном, но каждая из них – личность, сильная, любознательная, прекрасная в своем стремлении к идеалу.

Революция на деле оказалась суровее и жестче, чем ее представляли. Она затронула судьбы не только взрослых людей, но и детей, которым пришлось рано повзрослеть, ведь за короткий срок они успели познать обман, предательство, смерть и многое другое. Спектакль «Революция» стал яркой зарисовкой эпохи.

Юлия Кантор

ОТРИЦАТЬ НЕЛЬЗЯ АНАЛИЗИРОВАТЬ

ЮЛИЯ КАНТОР И ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ, ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И ОТНОШЕНИИ К РЕВОЛЮЦИИ

30 ноября в Фундаментальной библиотеке состоялась встреча с историком, профессором Герценовского университета Юлией Кантор и известным писателем Леонидом Юзефовичем. Событие было названо «Шел 101-й год...: диалог историка и писателя», хотя определить с первого раза, кто из гостей какую роль будет играть, было непросто. Юлия Кантор не только видный ученый, но и публицист, автор книг «Прибалтика: война без правил (1939–1945)», «Война и мир Михаила Тухачевского». А Леонид Юзефович, помимо своих знаменитых романов «Зимняя дорога», «Журавли и карлики», имеет академические труды и степень кандидата исторических наук. Тем любопытнее получился этот диалог имеющих точки соприкосновения, но таких непохожих друг на друга людей.

– В начале декабря в Москве открылась знаменитая книжная выставка non/fiction. Парадоксально, но это событие чрезвычайно популярно. Почему сегодня при резком падении уровня исторической грамотности растет интерес к документальному роману, разным формам non-фикшена?

Юлия Кантор: Интерес к истории и историческим личностям обуславливается преемственностью поколений, ощущением собственных корней, а также желанием людей знать правду. Довольно часто исторический роман воспринимается как документ, и это ошибочно. Естественно, людям проще читать художественную литературу, чем академические издания на эти темы. Автор художественного произведения имеет право по-своему трактовать поступки исторических персонажей или какие-то события. Не следует искать в таком произведении документальной точности, как и не следует его искать в художественном кино. Им совершенно необязательно его обладать. Что касается книг, статей, написанных историками, они создаются настолько достоверно, насколько это им доступно. Всем нам известны случаи, когда мы, выстроив стройную концепцию на анализе, допустим, 99 документов, находим тот, который опровергает все 99. Просто потому что история бесконечна, и ее познание бесконечно. Историческая же безграмотность, как и любая другая, возникает от невнимательности к элементарным проявлениям культуры. Если человек позволяет себе быть безграмотным, то, значит, он считает, что может без уважения относиться к истории своей страны, к ее культуре и соотечественникам. Это следствие раскоординированности в образовании в последние 20 лет. Я не хочу сказать, что в советское время все было хорошо: гуманитарные направления были идеологизированы. Сегодня мы наблюдаем другое: катастрофическое сокращение часов в вузах и школах на изучение гуманитарных предметов.

Леонид Юзефович: Главная проблема – в языке. Язык современных научных трудов очень сложен для понимания. Сам я пользуюсь ими, но это не значит, что я читаю их от начала до конца. Мои книги, прежде всего, отличаются тем, что в них есть эмоции человека, которые ученых-историков не интересуют. Где поместить человека, который действует как историческая фигура, и в то же время описать его эмоции, как не в художественном произведении? А что касается исторического знания, я не думаю, что оно деградирует, оно развивается волнообразно. Историческое знание – это приобретение человечества последних двух столетий. Если вы спросите 99,9% населения Руси времен Ивана Грозного о Куликовской битве, то услышите, что о ней почти никто не знал. Не было исторических традиций. Если бы вы спросили мушкетеров, что они знают о Жанне д'Арк, то увидели бы, что они ничего о ней не знают. Исторические традиции – это не обязательно наличие соответствующих школ или университетов. Бывает, что общество появляется сразу с историческим сознанием, как в Китае, где не прерывались эти традиции.

Юлия Кантор: Позволю себе не согласиться с Леонидом Абрамовичем по общим пунктам. Во-первых, если бы профессиональному историку (я говорю о подходе, а не жанре) не были бы интересны эмоции, тогда не было бы популярным такое направление, как oral history (устная история), и тем более, изучение эпистолярного жанра. Для профессионала обязательно интересоваться переживаниями одного конкретного человека по поводу случившихся событий. Во-вторых, говоря об исторической традиции, Леонид Абрамович привел в пример время Ивана Грозного. Вы

знаете, никакое Смутное время и такой тип правления, который был при Иване Грозном, не способствуют популяризации исторического знания. Возьмем чуть раньше – Новгородскую республику. Посмотрите берестяные грамоты. Там вполне себе сложившаяся историческая традиция. Отчасти заимствованная в Ганзейском союзе, отчасти – своя. Она внесословная, это доказано академиком Яниным и не только им. Опять же: Новгород был республикой, Новгород был свободным, и там было популярно историческое знание, преемственность и традиции. Конечно, когда пришел Иван Грозный и подчинил себе Великий Новгород, это стало менее популярным. В более поздних исторических периодах мы можем найти аналогичные параллели.

– Вы отметили, что не стоит искать достоверности не только в художественной литературе, но и в кино. Каково Ваше отношение к фильмам на исторические темы?

Юлия Кантор: Я уверена, что в советское время гораздо лучше снимали фильмы на исторические темы, чем сейчас, хотя это не снимает пропагандистские акценты, которые нужно было тогда расставлять. Более того, во всех серьезных кинолентах были консультанты-историки. Сейчас этого почти не происходит. При этом идеологических установок у такого кинематографа нет. Есть только амбиции и желание денег. Мне трудно назвать какой-либо из последних фильмов на исторические темы, который бы мне понравился. Говоря о советском кино, такové можно перечислять очень долго – «Бег», «Дни Турбиных», «Неуловимые мстители». Это ведь тоже надо уметь, чтобы песню «Русское поле» в советское время пел белогвардейский поручик, а совсем не красный комиссар. Сейчас все делается гораздо более толково. Из кинорежиссеров отмечу только Сокурова, у которого хорошее историческое образование. Мой любимый фильм – «Телец», где анатомия власти представлена в прямом и переносном смысле. Мне нравится его фильм «Молох», «Солнце». Сейчас снимается его новый фильм, посвященный главам государств, участвовавших во Второй мировой. Я имею к этому проекту определенное отношение и вижу, с каким вниманием Александр Николаевич относится к документальному материалу, в том числе и визуальному. Потом происходит художественное преломление, но присутствует сильная историческая база, которую он считает важной именно для развития художественного сюжета. Я не знаю, как нужно снимать фильмы, я не режиссер. Хотелось бы, чтобы снимали талантливо, но очень редко это наблюдается.

Леонид Юзефович: Когда Ежи Гофман снимал «Топот» о польско-шведских войнах XVII века, ему выделили кавалерийскую дивизию. В этом плане снимать достоверно и масштабно раньше было проще. Кому сейчас из режиссеров выдадут не то что бы дивизию, а хотя бы роту? Гривад, мне сложнее рассуждать. В отличие от Юлии Зороховны, я кино не смотрю, хотя и работаю в нем, пишу сценарии. Я согласен, что позднесоветское историческое кино было потрясающим. Замечательным фильмом я считаю фильм Сергея Бондарчука «Ватерлоо». Картины Сокурова, названные Юлией Зороховной, мне не нравятся. А на Западе есть хорошие фильмы.

– Какие темы Вы бы включили в историческую программу подготовки школьников?

Леонид Юзефович: Я преподавал в школе много лет. Всегда очень ограниченно

траговалась история XVI века. Не было там ни истории Засечной черты, ни истории величайшей битвы русского средневековья – битвы при Молодях – единственной попытки Османской империи подчинить себе Москву. Это связано с тем, что в 1480 году было свергнуто ордынское иго, после чего считалось, что Россия обратилась лицом на Запад и никакой серьезной угрозы с Востока не испытывала. Практически была вычеркнута мучительная и трагическая история русско-крымских войн. Невозможно было признать, что какое-то несчастное Крымское ханство доставило России столько кровавых страниц. Мы не пойдем отношением к Ивану Грозному, если мы не будем всматриваться в эту историю.

Юлия Кантор: Соглашаюсь, и я бы этот список продолжила. Я преподаю на истфаке и пугаюсь тому, что нет общей базы даже у магистров. Меня это поражает, поскольку я знаю, что школьные учебники отнюдь не плохи. Вообще вопрос бакалавриата и магистратуры решен чудовищно. Хорошо, если ко мне в магистратуру придут люди с социологическим, филологическим или юридическим образованием, но у меня сейчас математики сидят. И имеют право, ведь они успешно сдали тест. Остается только пробежать за 18 часов четыре курса, которые они не слушали, но это так невозможно. Когда мне необходимо рассказывать о новейшей истории Западной и Восточной Европы, а они даже не знают, что такое Варшавский договор, как быть? Необходимо начинать вводную лекцию с этого, терять время. Почему же поступить в ординатуру медицинского вуза с истфаком невозможно, а на истфак с медицинским образованием реально? И эти люди потом преподают в школе, а в их плохой подготовке обвиняют преподавателей педагогического университета. Хотя надо учитывать, что каждый человек имеет определенный взгляд на события. Необязательно, что его так научили, он мог так домыслить.

– Историков часто обвиняют в переписывании истории. Оправданы ли эти обвинения?

Юлия Кантор: Тезис о возможности переписать историю немного лукав: ПЕРЕписать можно только политические лагуны, а историю – лишь дописать, заполнить лакуны в историческом знании, которые по известным причинам (это касается не только XX века) были нам неизвестны.

Леонид Юзефович: В таких случаях я всегда вспоминаю, как в 90-е годы стал лучше понимать античное время. Я стал понимать, что такое власть денег. Думаю, советские историки, занимавшиеся античностью, раньше тоже не понимали, какое имеют значение деньги. Поэтому история не может не переписываться, хотя бы потому что меняется окружающая обстановка. Я уж не говорю о том, что появляются новые источники, новые историки, которые хотят сказать свое слово. Это абсолютно нормальный процесс: если история не будет переписываться, она умрет. Как только мы скажем, что то, что мы думаем, и есть то, что было на самом деле, наступит смерть истории.

Юлия Кантор: Пример, приведенный Леонидом Абрамовичем, доказывает как раз то, что историю только дописывают, а не переписывают. Появление новых знаний не освобождает нас от попыток исследования первоисточника для того, чтобы проникнуться именно историей, а не рефлексией.

Леонид Юзефович: Да, вероятно, это уже вопрос терминологии, вот и все.

– Леонид Абрамович, в одном из интервью Вы сказали, что Вам важно извлечь достойные фигуры из исторического забвения. Как возникает выбор персонажа из этого забвения?

Леонид Юзефович: Все достаточно просто: две большие книги, написанные мной, идут от двух мест, где я жил. Вообще в своей жизни я жил в пяти городах: Екатеринбург, Пермь, Улан-Удэ, Москве и Санкт-Петербурге. Тем не менее, моя жизнь делится именно между Уралом и Забайкалем. Мой интерес связан не с какими-то теоретическими предпосылками, а тем, что меня волновали эти места. Например, так вышел и мой герой Анатолий Пепеляев. Все события Гражданской войны на Урале связаны с ним. Его звездным часом стала Пермь, которую армия Колчака захватила в декабре 1918 года.

– Все-таки невозможно обойти тему революции. Было ожидание ярких произведений, посвященных этому событию, но ряд текстов появился только на просторах «массовой» литературы. Почему для современной отечественной прозы юбилей революции прошел не очень ярко?

Юлия Кантор: Меня, например, это совершенно не огорчает. Я считаю, что писать художественные произведения к дате не надо. Другой вопрос, что эта тема по-прежнему не прожита эмоционально, а художественная литература – это эмоциональная литература. С учетом того, что общество расколото не только на красных и белых, но еще и на серых, которым все равно, в художественной литературе этот отклик будет, видимо, позже. В исторической же литературе появилось много всего, в том числе и новые документальные свидетельства, книги о персонажах, исследование революции в провинциях. Хорошо, что историки в этом плане были многоголосны. Меня поразило только то, что не было ни одной выставки, посвященной Ленину. Я бы этому порадовалась, если бы не одно «но». Это фигура молчания, а это плохо. Этого персонажа надо знать, его надо исследовать, показывать, рассматривать под микроскопом, но этого не произошло. Другое дело, что на носу 2018 год, еще есть возможности для раскрытия этой темы.

– Не показало ли Вам, что выставки, посвященные революции, ностальгируют по царизму?

Юлия Кантор: Еще в 2016 году мне стало интересно, как будет развиваться выставочный процесс в музеях в 2017 по всей стране. Я придумала серию круглых столов в Сибири, на Урале и в Петербурге – важные

зоны для революции 1917 года. Круглые столы назывались «Музеи в революции и революции в музеях». После отбора в них приняло участие более 90 музеев – это довольно репрезентативный отбор. Нас интересовала динамика: как революцию отметили в 1977 году, в 1997 и 2017. Как правило, более любопытные экспозиции были в маленьких музеях маленьких городов. Они выводили на свет интересные события и факты, личные и документальные истории, чудом сохранившиеся и рассказывающие, как в конкретно этом месте проходила революция и адаптация к новой власти, какова была судьба людей, первых музеев и музейщиков. Я почти нигде не увидела никакой ностальгии. Скорее, есть попытка отстраненного анализа. Одна из лучших выставок в стране – в Музее политической истории России. Выставка в Эрмитаже оказалась, к сожалению, неудачной, очень много яркого, визуального и очень мало смыслов, хотя Зимний дворец должен был, конечно, стать главным центром в отношении этой темы.

– Как Вы сами относитесь к революции?

Юлия Кантор: Мое личное отношение к революции в целом (ее нельзя делить на буржуазную, демократическую и социалистическую, это единый революционный процесс): к сожалению, Октябрь и октябрьский переворот был детерминирован отречением, и Февралем, и последующей катастрофической сменой безвольного Временного правительства во всех его составах, которое не смогло договориться друг с другом. Это трагедия, которая опрокинула историю России, которая прервала во многом преемственность поколений не только потому, что сменился государственный строй, и не только потому, что катастрофически были обрушены несколько поколений преемственности истории (она отрицалась и опровергалась, делалась в лучшем случае на до и после), но еще и потому, что был многолетний психологический диктат. Это еще долго придется анализировать. Кстати, в музеях и научной среде именно это и происходит. Это долгий и не очень громкий процесс, и очень хорошо, что это происходит не только в Петербурге и Москве, но и в маленьких городах. Это должно носить всеобщий и свободный характер. Безусловно, очевидно, что не надо искать консолидации общества применительно к определенным событиям истории. Это невозможно и контрпродуктивно. Надо с этой историей примириться, она была такая. Местами позорная, местами драматическая, местами героическая. Не надо ее отрицать, ее нужно анализировать.

Леонид Юзефович: Я не могу для себя определить, как я отношусь к Октябрю, и решил на это дело плюнуть. Ведь есть вечные вопросы, и с этой нерешенной проблемой можно жить и не думать о ней все время. Я не знаю, есть ли Бог. Точно так же я не знаю, как я отношусь к революции. И не буду стремиться повторять себе: «Это так и никак иначе».

Снежана МАЖЕКЕНОВА,
корреспондент «ПВ»